

занимают центральное место во всех восточнославянских языках. Инновации, встречающиеся в рамках лишь одного языка, немногочисленны, например: в украинском языке -*ани*(я), -*ени*(я), -*ини*(я): *почування, захоплення, розуміння*; -*уган, -иган*: *дідуган, стариган* и т.п.; в белорусском языке: -*ульк*(а), -*эч*(а): *бабулька, халадэча* и др.

Однако, изменения, которые имели место в восточнославянских языках в соответствии с законами их развития, затронули и систему словообразования, в частности суффиксальное словообразование имен существительных. Появляются новые варианты древних суффиксов: ср. рус. барабаничик, белор. барабаничык; рус. радость, белор. радасць, укр. радість и др.

Более значительные изменения произошли в области функционирования суффиксальных моделей имен существительных. Понятие продуктивности или непродуктивности соответствующей модели довольно часто не совпадает в сравнительно-синхронном плане. Например, очень продуктивная модель с суффиксом -*чик* (-чик) в русском языке становится мало продуктивной в украинском: ср. *доменичик*, но и *доменник*, *турбінчик*, но и *турбінник*. То же самое следует сказать и в отношении модели с суффиксом -*тель* и др.

Расширение или сужение сферы функционирования суффиксальной модели оказывает воздействие и на её семантику. Однако, в ранний период развития восточнославянских языков корреляция между словообразовательными моделями и лексико-семантическими группами в рамках имен существительных не была тождественной в русском, украинском и белорусском языках. Ср. белор. *поне́д'локъ, коронокъ, горнець, поганка, скѣдокъ* (Е. Ф. Карский, *Труды...*), рус. *поне́дѣльникъ, барашекъ, горшокъ, язычникъ, скидѣтель* (И. И. Срезневский, *Материалы...*).

Яснее выявляется это различие в сравнении с моделями старославянского языка. В *Лексиконе* П. Беринды: *агнѣць — баранокъ, агница — овечка, алчѣба — голодность, безѹмнѣ — шалѣнство, безчестнѣ — сромота, возатай — возница гонитель — преслѣдовца* и т.д.

Итак, в восточнославянских языках не только увеличилось число суффиксальных словообразовательных моделей имен существительных по сравнению с древнерусским языком, но и изменилось их распределение по лексико-семантическим группам, где встречается значительное количество новых элементов, ранее не известных.

Способы функционирования лексики и словообразовательных моделей отличаются друг от друга, хотя между ними имеется и взаимосвязь. Правда, существует и Аругое мнение. Например, академик Л. А. Булаховским, который считает, что область словообразования «является одной из наиболее творческих, наименее замкнутых в грамматике языка... Тенденция к системе в проведении словообразовательных элементов на каждом шагу наталкивается на препятствия, ее дезорганизирующие»¹.

Признавая большую стабильность системы словообразования по сравнению со словарем, мы не абсолютизируем этот факт. И в этой области, как было указано выше, происходят количественные и качественные изменения. Однако, тенденция к системе в области словообразования больше, чем в области лексики.

¹ Л. А. Булаховский, *Курс русского литературного языка*, Киев, 1949 стр. 100—101.